

Е. Н. Шапинская

Формы сопротивления власти в (пост)современных культурных пространствах

В статье рассматривается специфика отношения «власть / сопротивление» в (пост)современной социокультурной ситуации. Автор опирается на концепцию власти М. Фуко, в которой подчеркивается важность микрополитики власти на всех уровнях социокультурной жизни. Не-репрессивные формы власти порождают и специфические формы сопротивления, которые локализуются в различных культурных пространствах. В статье выделяются культурные пространства, в которых эти формы выражаются в виде разнообразных культурных практик. Популярная культура представлена с точки зрения свободного выбора и означивания, что является формой сопротивления власти культурной индустрии. Культура повседневности также рассмотрена как арена властных отношений, где рутины и практики повседневной жизни становятся формой сопротивления навязываемым «сверху» нормам и правилам. В анализе всех этих форм сопротивления особое внимание уделяется культурной динамике, которая требует от исследователя гибкой позиции и умения концептуализировать многообразие и фрагментарность культурных форм наших дней.

Ключевые слова: власть, сопротивление, пространство культурное, массовая культура, повседневность, культурная индустрия, потребление, бинаризм, глобализация, деконструкция, доминанция, практики культурные.

E. N. Shapinskaya

Forms of Power Resistance in (Post)Modern Cultural Spaces

The article deals with specific forms of «power/resistance» relation in postmodern culture and society. The author takes the ideas of M. Foucault as the theoretical basis where the importance of micropolitics of power at all levels of social and cultural life is accentuated. Non-repressive forms of power generate specific forms of resistance which are localized in different cultural spaces. In the article cultural spaces have been singled out where these forms are expressed in the form of various cultural practices. Popular culture is represented from the point of view of free choice and signification, which is a form of resistance to the power of cultural industry. Everyday culture is also regarded as a scene of power relations where routines and practices of everyday life become forms of resistance to norms and rules imposed from above. In the analysis of all these forms special attention is given to cultural dynamics which requires from the researcher the capacity to conceptualize various fragmented cultural forms of our time.

Keywords: power, resistance, cultural space, popular culture, everyday culture, subcultures, cultural industry, protest, consumption, binarism, globalization, deconstruction, domination, cultural practices.

Проблема взаимоотношений власти и культуры актуальна всегда и не теряет своего значения сегодня для исследований в различных областях социокультурной жизни, призванных осмыслить сложные динамические процессы и изменения, происходящие в эпоху тотальной информатизации, господства консьюмеризма и глобализации. Понимая всю многомерность взаимоотношения культуры и власти, мы выделим один из его аспектов, который можно выразить в форме бинарной оппозиции «власть / сопротивление». Несмотря на процессы деконструкции бинаризм, характерных для постмодернистской культуры, большинство из них проявляют устойчивость и способность к трансформациям, представая в новых формах и реализуясь в самых разных социокультурных практиках. К таким оппозициям относится и выделенный нами бинаризм «власть / сопротивление», который представляется весьма важным как с точки зрения модификации моделей структурных оппозиций в условиях

бесконечной фрагментации культурного пространства, так и с точки зрения осмысления разнородных практик, где находят убежище новые формы сопротивления, не носящие ярко выраженного характера открытых протестов 60-х гг. прошлого века или диссидентских движений в тоталитарных режимах.

Не раз обращаясь к проблеме культуры и власти, мы можем сделать вывод, что «...формы власти в культуре и обществе многообразны, от прямого принуждения и насилия вплоть до внешне свободного выбора в различных жизненных ситуациях, в основе которого лежат скрытые властные стратегии манипулирования» [3, с. 40]. В любом случае там, где есть власть, присутствует и сопротивление, составляя одну из базовых оппозиций культуры, проявляющихся на всех уровнях социума начиная с крупных социальных формаций и вплоть до межличностных отношений. Мы остановимся на специфике властных стратегий современного общества и на тех фор-

мах, которые приобретает сопротивление в различных культурных пространствах.

Для современного общества, как западного, так и российского, власть часто становится «социально невидимой», рассеивается по социальным институтам и культурным пространствам, осуществляется на макро- и микроуровнях. Согласно М. Фуко, власть противоречива в своей регулятивной роли на этих двух уровнях. «...На микроуровнях социальности власть определяется в качестве позитивной санкции, на макроуровне – в качестве негативной; на первом уровне она продуктивна и созидательна, на втором – разрушительна и действует только через разделы, цензуру, запреты» [2, с. 250]. Исследование различных проявлений власти в культуре, не носящих репрессивного характера, но накладывающих различные ограничения на культурные практики, может быть весьма полезным в расширении традиционного понимания власти. Такое расширенное определение предлагает и Фуко, отказываясь от традиционной концептуализации власти исключительно в терминах господства / подчинения: «Под властью, мне кажется, следует понимать прежде всего, множественность отношений силы, которые имманентны области, где они осуществляются, и которые конститутивны для ее организации... наконец, под властью следует понимать стратегии, внутри которых эти отношения силы достигают своей ответственности» [2, с. 192]. Основываясь на этом определении, можно выделить отдельные области социокультурного пространства и рассмотреть, каким образом проявляются в них «отношения силы». С другой стороны, формы сопротивления, часто принимающие форму разнообразных, иногда одиозных культурных практик, могут многое сказать как о модификациях власти в условиях глобализирующегося плюралистического общества, так и о самом характере постсовременной культуры, где многие традиционные бинаризы уже не работают.

Мы выделили такие пространства современной культуры, как массовая культура и культура повседневности, с целью проанализировать специфику проявлений в них механизмов власти и форм сопротивления. Мы осознаем, что лишь очень кратко можем обрисовать эти отношения в небольшой статье, но полагаем, что каждое направление включает в себе значительный исследовательский потенциал.

Массовая культура как пространство сопротивления

На первый взгляд, может показаться, что массовая культура находится целиком под властью культурной индустрии, которая навязывает массовому потребителю свои стереотипы, ценности и мифологемы. Но такой взгляд, весьма распространенный в культурологической рефлексии по поводу массовой культуры, не однозначен. Совершенно иное видение массовой культуры предлагает столь видное направление в исследовании современной культуры, как *cultural studies*, представители которого придают большое значение исследованию массовой культуры и определяют ведущее направление в ее изучении на сегодняшний день. Массовая культура «реабилитируется», поскольку позволяет потребителю в своем восприятии выразить сопротивление доминантному пониманию мира. Исследования *cultural studies* направлены против весьма распространенного мнения, что популярная культура представляет собой деградированную форму культуры, успешно навязываемую сверху с целью получить прибыль и захватить идеологический контроль. По мнению представителей *cultural studies*, необходимо различать силу культурной индустрии и силу ее воздействия. Определяя отношения между культурным текстом и аудиторией, американский исследователь Л. Гроссберг пишет: «Нам необходимо признать, что большей частью отношения между аудиторией и популярными текстами являются активными и продуктивными. Значение текста не задано в каком-то независимом наборе кодов, к которому мы можем прибегнуть для консультации в любой момент по мере надобности... Как используется специфический текст, как он интерпретируется, как он функционирует для своей аудитории – все это тесно связано постоянной борьбой аудитории за то, чтобы осмыслить себя и свой мир и, более того, создать для себя несколько лучшее место в мире» [6, с. 52–53].

Особенно четко позиции этого направления обоснованы в работах Дж. Фиске, который противопоставляет два подхода, распространенных в западной литературе последних десятилетий XX в. С одной стороны, в противовес тотальной критике началось восхваление массовой культуры, которое игнорировало властные отношения, с другой – столь важное место уделялось силам доминации, что становилось сомнительным, могла ли вообще существовать «подлинная» популярная культура. Фиске предлагает третий подход, который «представляет популярную культуру как жизненную и творческую, и все же

всегда укорененную в области борьбы» [5, с. 160]. Этот подход рассматривает массовую культуру как «прогрессивную», хотя и не «радикальную» в смысле фундаментального вызова обществу. Что касается вопроса о власти, Фиске считает, что различные индивиды принадлежат к различным «популярным» формациям в различные периоды времени, и это делает возможным занятие противоположных позиций, альтернативно или одновременно.

По причине таких социальных различий популярные тексты также являются семантически открытыми для разнообразных прочтений. Несмотря на многочисленные различия, народ остается народом, причем объединяющей силой является, по мнению Фиске, сопротивление «блоку власти». Массовая культура всегда находится в процессе борьбы с доминацией, ведя своего рода «семиотическую партизанскую войну». Обычные люди («народ») сами придают значения товарам, шоу-бизнесу и звездам, которые им нравятся, и получают от них удовольствие. Фиске обращается к концепции повседневности, разработанной М. де Серто, рассматривая повседневную жизнь как умение извлечь смысл и удовольствие из того, что предлагает система, умножить значения культурных товаров и их рекламы. Обыденное существование предстает как серия антагонистических оппозиций между буржуазией и пролетариатом, гегемонией и сопротивлением, социальной дисциплиной и беспорядком и, в конце концов, «народом» и «властным блоком». Сама массовая культура также внутренне противоречива, так как то, чему она сопротивляется, присутствует в ней самой. Она всегда содержит в себе следы доминации. В любом тексте массовой культуры мы можем выделить элементы доминантной системы и «оппозиционные» элементы. Анализ Дж. Фиске различных текстов популярной культуры представляет немалую ценность для современного читателя, так как она бросает вызов все еще распространенному взгляду о пассивности массовой аудитории в потреблении продуктов культурной индустрии. Его работы направлены на то, чтобы изменить направление исследований массовой культуры в сторону ее восприятия различными социальными группами, выяснения особенностей процесса смыслопроизводства, причин популярности или неудачи того или иного продукта на культурном рынке. Потребители массовой культуры могут выразить свое неприятие образцам, которые им предлагает культурная индустрия, или же, напротив, обеспечить кассовый успех не слишком обещающему продукту, выражая таким образом сопротивление «навязыва-

нию», рекламе, всему арсеналу средств культурной индустрии, власть которой, как бы ни была она велика, всегда находится под вопросом, создавая зону напряжения между производством культурного продукта и его судьбой в обществе массового потребления.

Особое значение приобретает проблема власти / сопротивления в отечественной культуре, где по традиции фигуры власти носили двойной смысл: с одной стороны, ореол неприкосновенности, с другой – иронические репрезентации в народной культуре. «Власть для России – это предмет постоянного интереса множества творцов, которые осознанно или бессознательно апеллируют к людям или ситуациям, эмоционально “присваемым” или страстно переживаемым» [1, с. 139]. В отечественной массовой культуре, в особенности в массмедиа, образы власти несут, во многом, противоречивый характер: с одной стороны, происходит мифологизация фигур власти прошлого, с другой – деконструкция традиционных представлений, дегероизация, лишение власти ее ореола. Как отмечает Т. С. Злотникова, «...эмоциональный тонус оценок, дискуссионность суждений, поиски моральных оправданий и художественных воплощений, сопровождающие каждое обращение творцов к образам власти, свидетельствуют о том, что в России власть воспринимается как живая, как объект, который можно возненавидеть, даже если она удалена в истории, или полюбить, даже если ее жестокость была явлена совсем недавно» [1, с. 153].

Формы сопротивления в культуре повседневности

Во второй половине XX в. появились многочисленные исследования культуры повседневности, в которых проблема власти и сопротивления занимает важное место. Повседневность рассматривается как пространство диалектического напряжения между угнетением и сопротивлением. Тема детерминации сознания получила развитие в критической теории «поздней современности» по той причине, что она предложила способ интерпретации культурных изменений. Британский социолог Р. Силверстоун сформулировал позицию неомарксизма по отношению к повседневной жизни: «Рабочего соблазняют ложными реальностями (или реальной ложью) культуры повседневной жизни и заставляют верить в свою собственную свободу и аутентичность» [8, с. 161].

Общепринятое понимание форм реальности рассматривается в рамках этого подхода как идео-

логическое, так как эти формы работают на поддержание социального и культурного консенсуса. Эта позиция выражена известным французским исследователем А. Лефевром, который утверждал, что нельзя воспринимать повседневность пассивно – она должна быть рассмотрена в определенной перспективе. Французский исследователь считает, что в культуре возникло общее чувство бессмысленности, размножение знаков и означаемых, которые не могут компенсировать общий недостаток значения. Для Лефевра неадекватность современной культуры коренится в том факте, что она является идеологическим фасадом того, что он характеризует как бюрократическое общество контролируемого потребления. Критика повседневности является, по сути дела, критикой отчуждения и отсутствия аутентичности, присущих культуре потребления (что связано с общей критикой массового общества и массовой культуры). Теоретики критического направления утверждают, что формы и ритмы материальных практик, укорененных в локальных контекстах, были сломаны, а сама культура стала товаром и частью бесконечного спектакля. Все, что может быть потреблено, становится символом потребления, а потребителю сбываются символы богатства, счастья и любви. Тем не менее мир досуга либо приносит разочарование, потому что его нельзя контролировать, либо погружает в галлюцинации. Критическое отношение исследователей к повседневной культуре современности выявляет причины отчуждения в современной жизни, находя их уже не в трудовых отношениях, а в отношениях потребления. Повседневной жизни придается сложная медирующая роль, поскольку считается, что именно институты массовой культуры и консьюмеризма составляют «общество спектакля», – хотя они проявляются в обыденных практиках, способы потребления указывают на сопротивление идеологическим режимам и выход за их границы. Лефевр считает, что отчуждающие формы повседневной жизни содержат в себе реальные желания, даже если они бессознательны и фрагментарны.

Важной вехой в исследовании повседневности как пространства властных отношений стала работа французского историка М. де Серто «Практика повседневной жизни» [4]. Работа де Серто полна метафор, касающихся конфликтов повседневной жизни (стратегия и тактика, партизанская война, которые основаны на предположении, что власть имущие лишены воображения и слишком жестко организованы, в то время как слабые креативны и гибки). Таким образом, слабые используют партизанскую тактику против стратегий сильных, совершают «налеты» на их

тексты или структуры и постоянно применяют трюки с системой. Власть имущие конструируют пространства, где они могут использовать свою «силу»: города, торговые центры, школы, рабочие места, дома. Слабые создают внутри них свои собственные пространства, присваивая их на время, передвигаясь через них, занимая их настолько, насколько это им нужно. Стратегия власть имущих пытается контролировать пространства и товары, которые составляют параметры повседневной жизни. Но, находясь в каком-либо пространстве, даже временно, его «присваивают», так как практики нахождения в нем принадлежат этому «временному жильцу». Лефевр сходится во мнении с де Серто, когда использует различие между принуждением и адаптацией, чтобы указать на оппозицию между стратегией власть имущих (принуждение) и тактикой слабых (адаптация). Лефевр противопоставляет рутине повседневной жизни со всеми ее утомительными задачами и унижениями «власть повседневной жизни», манифестации которой включают «адаптацию тела, времени, пространства, желания, окружающей среды и дома, совпадение потребности с удовлетворением и, менее часто, с удовольствием» [7, с. 35]. Де Серто делает больший акцент на сопротивлении со стороны народа и утверждает, что культура повседневной жизни коренится в «адаптации» или «способе использования навязанных систем». По его мнению, ключевыми словами, характеризующими тактику повседневной жизни, являются «адаптация», «манипуляция» и «трюкачество». Люди должны обходиться тем, что они имеют, и повседневная жизнь представляет собой искусство такого удовлетворения запросов.

Мы остановились лишь на одном подходе к повседневности как пространству сопротивления. Несомненно, эта сфера человеческого существования порождает гораздо большее количество как властных стратегий, так и форм сопротивления, причем именно в частной жизни запрет как форма власти сталкивается с наибольшим сопротивлением. «Лишь при условии сокрытия значительной своей части власть вообще может быть переносима», – утверждает М. Фуко [2, с. 185]. Рассмотрение скрытых механизмов власти на уровне повседневной жизни представляет важную задачу для исследователя современной культуры. Для адекватного понимания сложных процессов, происходящих в различных формах повседневной жизни, необходимо принимать во внимание различия между обыденностью и повседневностью, которые, как правило, рассматриваются синонимически. Тем не менее

понятие «повседневная реальность» является более обобщенным, включает различные формы культурной деятельности, ставшие привычными, но не приобретшие характера рутинизированной обыденности. При таком подходе анализ отношения «власть/сопротивление» может прояснить многие проблемы повседневной реальности и повседневного человеческого взаимодействия, которые кажутся странными, даже одиозными, или рассматриваются как асоциальные или девиантные.

Рассмотрев некоторые пространства современной культуры с точки зрения появления в них властных стратегий и форм сопротивления, можно сказать, что концепция «рассеивания» власти М. Фуко вполне актуальна в начале XXI в. Культурный плюрализм легитимизирует различные социокультурные практики, которые еще недавно считались девиантными и подвергались репрессивным мерам со стороны дисциплинарной власти. Сегодня власть приобретает новые формы, но в любом случае она существует, даже если становится невидимой, и в этом случае более явные формы, которые приобретает сопротивление, могут многое рассказать о специфике властных отношений в обществе глобализации, культурного плюрализма и потребления.

Библиографический список

1. Злотникова, Т. С. Художественный образ власти в классике и массовой культуре [Текст] / Т. С. Злотникова // Российский дискурс массовой культуры: эстетические практики и художественный образ : учебное пособие по курсу «Эстетика и теория искусства» / под научн. ред. Т. С. Злотниковой, Т. И. Ерохиной. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2015. – 227 с.
2. Фуко, М. Воля к истине [Текст] / М. Фуко // Фуко Мишель. ВОЛЯ К ИСТИНЕ: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с франц. – М. : Касталь, 1996. – 448 с.
3. Шапинская, Е. Н. Философия музыки в новом ключе [Текст] / Е. Н. Шапинская. – М. : Согласие, 2017. – 532 с.
4. De Certeau M. The Practice of Everyday Life [Текст] / M. De Certeau. – Berkley : University of California Press, 1984. – 233 с.
5. Fiske J. Understanding Popular Culture [Текст] / J. Fiske. – Boston : Unwin Hyman, 1989. – 236 с.
6. Grossberg L. «Is there a Fan in the House» [Текст] // The Adoring Audience: Fan Culture and Popular Media. – L. : Routledge, 1992. – 256 с.
7. Lefebvre H. Everyday Life in the Modern World [Текст] / H. Lefebvre. – London, Harper Torchbooks, 1971. – 205 с.

8. Silverstone R. Television and Everyday Life [Текст]. – L. : Routledge, 1994. – 220 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Zlotnikova, T. S. Hudozhestvennyj obraz vlasti v klassike i massovoj kul'ture [Tekst] / T. S. Zlotnikova // Rossijskij diskurs massovoj kul'tury: jesteticheskie praktiki i hudozhestvennyj obraz : uchebnoe posobie po kursu «Jestetika i teorija iskusstva» / pod nauchn. red. T. S. Zlotnikovoj, T. I. Erohinov. – Jaroslavl' : RIO JaG-PU, 2015. – 227 s.
2. Fuko, M. Volja k istine [Tekst] / M. Fuko // Fuko Mishel'. VOLJA K ISTINE: po tu storonu znanija, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyh let/per. s franc. – M. : Kastal', 1996. – 448 s.
3. Shapinskaja, E. N. Filosofija muzyki v novom ključe [Tekst] / E. N. Shapinskaja. – M. : Soglasie, 2017. – 532 s.
4. De Certeau M. The Practice of Everyday Life [Tekst] / M. De Certeau. – Berkley : University of California Press, 1984. – 233 s.
5. Fiske J. Understanding Popular Culture [Tekst] / J. Fiske. – Boston : Unwin Hyman, 1989. – 236 s.
6. Grossberg L. «Is there a Fan in the House» [Tekst] // The Adoring Audience: Fan Culture and Popular Media. – L. : Routledge, 1992. – 256 s.
7. Lefebvre H. Everyday Life in the Modern World [Tekst] / H. Lefebvre. – London, Harper Torchbooks, 1971. – 205 s.
8. Silverstone R. Television and Everyday Life [Tekst]. – L. : Routledge, 1994. – 220 s.

Reference List

1. Zlotnikova T. S. An artistic image of the power in classics and popular culture // Russian discourse of popular culture: aesthetic practitioners and artistic image: the manual for the course «Aesthetics and Theory of Art» / under scientific edition of T. S. Zlotnikova, T. I. Erokhina. – Yaroslavl : RIO YSPU, 2015. – 227 p.
2. Foucault M. Will to the truth // Foucault Michel. WILL TO the TRUTH: on that side of knowledge, the power and sexuality. Works of different years/translated from French. – M. : Kastal, 1996. – 448 p.
3. Shapinskaya E. N. Philosophy of music in a new way. – M. : Soglasie, 2017. – 532 p.
4. De Certeau M. The Practice of Everyday Life. – Berkley: University of California Press, 1984. – 233 p.
5. Fiske J. Understanding Popular Culture. – Boston: Unwin Hyman, 1989. – 236 p.
6. Grossberg L. «Is there a Fan in the House» // The Adoring Audience: Fan Culture and Popular Media. – L. : Routledge, 1992. – 256 p.
7. Lefebvre H. Everyday Life in the Modern World. – London, Harper Torchbooks, 1971. – 205 p.
8. Silverstone R. Television and Everyday Life. – L. : Routledge, 1994. – 220 p.